

18+ ВЛАДИМИР ХОТИЛОВ

АНГЕЛ
ШИРОКОПЛЕЧИЙ
НОВЕЛЛЫ

Владимир Хотиллов

Ангел широкоплечий. Новеллы

«Издательские решения»

Хотилов В.

Ангел широкоплечий. Новеллы / В. Хотилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745528-6

Новеллы о жизни обычных людей, где в каждой короткой правдивой истории из суетливой, аморфной повседневности почти всегда возникает хотя бы один человек, на месте которого мог бы оказаться любой из нас. Автор сделал это лишь для того, чтобы развеять у читателя обманчивое ощущение бесконечности бытия и незыблемости мира и чтобы, оказавшись на месте этого персонажа, каждый сумел если не осознать сути человеческой жизни, то хотя бы догадаться о самом главном.

ISBN 978-5-44-745528-6

© Хотилов В.
© Издательские решения

Содержание

Ангел широкоплечий	6
Анфимыч	12
Бонсай	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ангел широкоплечий Новеллы

Владимир Хотилов

Дизайнер обложки Владимир Дмитриевич Иванов

© Владимир Хотилов, 2021

© Владимир Дмитриевич Иванов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-5528-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел широкоплечий

Это было обычное, морозное утро, но с особой памятной зарубкой, от которой остаётся душевный след на всю жизнь... Ты шёл в гору извилистой улочкой с ещё большим снегом и свежими ледяными наростами. Тебе было сладко от пахучей папиросы во рту, от воспоминаний о вчерашнем свидании с любимой, от будоражащего аромата неспешной весны и от мысли, что удалось выбраться на несколько дней домой.

Навстречу, под гору, спускался человек с непокрытой головой, лохматый, как и ты, но только черноволосый и кучерявый. Ты сразу догадался, что он навеселе и успел, наверное, опохмелиться после вчерашней гулянки. Хотя он выглядел старше тебя, но всё ещё оставался молодым и казался таким бесшабашным ухарем, рослым и широкоплечим.

Кучерявый ухарь замедлил поступь, а ты слегка напрягся, не вынимая рук из пальто с поднятым воротником и обожаемым тобой регланом, и, тряхнув растрёпанной ветром шевелюрой, пристально взглянул на незнакомца. А тот остановился, задержал на тебе взгляд и, слегка улыбнувшись, не произнёс, а чуть ли не пропел от удивления:

– Каков, а?!.. Каков парень?!.. Лихой!.. За версту видно – лихой парень!

Ты прошёл мимо него, молча, не останавливаясь, лишь скосив на секунды глаза, а он, осторожно ступая по скользкому насту, всё ещё оглядывался вслед. Но ты уже не думал о нём, наслаждаясь чудесным утром и пьянея от весеннего воздуха. Ты вспоминал лишь подробности вчерашнего вечера: вкус губ любимой женщины, её завораживающий голос, запах шелковистых волос, а пальцы твоих рук до сих пор ещё хранили в себе нежность её кожи, тепло и гибкость молодого тела.

В то утро ты был молодым, сильным, наверняка, счастливым, даже не задумываясь об этом, и ещё не понимал, просто не стремился тогда понять, что такое настоящее счастье, но испытывал удовольствие от всего, что тебя окружало.

Ты прибыл в город, где весна была в разгаре – солнце припекало и всё уже таяло. На следующий день, после затишья от переполоха по поводу твоего приезда, ты сменил дома пальто на плащ и отправился гулять.

Городская весна не радовала тебя – снежный покров исчезал, и на улицах оголялась вся неприглядность человеческого бытия, накопленная за долгие зимние месяцы. И самое главное в ней не хватало того раздолья, той естественной, природной чистоты и прозрачности, отчего душа наполнялась необъяснимой радостью, какую ты испытывал всего лишь пару дней назад, когда направлялся сюда из северной глуши, едва тронутый сменой времени года.

Ты не любил этот город, потому что родился в другом месте, но никогда не горевал из-за этого, а просто к нему привыкал, когда возвращался. И гуляя по нему, ты зашел в фотоателье, решив не то сам, не то по совету родителей сфотографироваться на память.

Приёмщицей там работала знакомая тебе немолодая женщина – супруга хозяина той самой бревенчатой пятистенки, где недолго проживала ваша семья, снимая у него половинку дома.

С той поры минуло лет десять, но вы узнали друг друга и разговорились. Эта энергичная и общительная женщина, к твоему удивлению, почти не изменилась и выглядела сейчас всё такой же весёлой и жизнерадостной, хотя всего полгода назад как овдовела.

– Матери... матери от меня огромной привет! – по-доброму улыбаясь, говорила она. – Обязательно передай... Она чудесная, замечательная женщина!

Ты в те минуты почему-то думал не о своей матери, а об умершем муже приёмщицы. Ты хорошо помнил этого лысоватого человека, его худое, морщинистое лицо с тоскливыми, бесцветными глазами. Ещё ты помнил его прокуренные, испорченные зубы, пожелтевшие от табака пальцы на руках с распухающими венами, и что от него всегда пахло водкой с луком.

Он был тихим пьяницей, никого особо не беспокоил, ни к кому не приставал, а выпив лишнего, подолгу что-то бубнил, сидя на крыльце, и только иногда выкрикивал:

– Репрессии?!.. Никаких репрессий!.. Только классовая борьба!.. И я мог пострадать за тестя... Как родственник врага народа! – тут он ухмылялся, размахивая перед сизым носом рукой с оттопыренным, самым прокуренным указательным пальцем. – Только тесть, мил человек, во время помер – земля ему пухом... Не старый был, но как знал!.. Очень во время помер!

Тихий пьяница работал тогда преподавателем или военруком не то в школе, не то в каком-то техникуме. А до этого он долгое время служил, как шептались люди, в органах и не простых, а особых. В городе многие об этом знали, а на улице, где он проживал, его даже побаивались. Но когда подули ветры перемен, для многих неожиданные, а для кого-то долгожданные, его из этих органов уволили по неведомым для обитателей улицы причинам и страх потихоньку стал забываться.

Было время, когда он, изрядно подвыпив, возвращался домой, ступая нетвердой походкой по мостовой, а озорные мальчишки кричали ему с противоположной стороны улицы:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков!

Обычно он не реагировал на мальчишек, распевających частушку, лишь иногда останавливался, глупо улыбался, подслеповато озираясь по сторонам, и грозил им своим прокуренным указательным пальцем.

Ты тоже был тогда мальчишкой и толком не знал, как, наверное, и эти озорники, кто такой Берия или кто такой товарищ Маленков, но не распевал, как они, непонятную тебе песенку, заведя пьяного хозяина дома. Сейчас, узнав о его смерти, вдруг вспомнил про тех мальчишек, которые, наверняка, все живы, а некоторые из них уже успели стать папашами и всем им ещё надо жить да жить... И ты как-то легко поверил в то, что когда-то эта грязная улица с дощатыми мостовыми исчезнет навсегда, как исчез из жизни тот тихий старик-пьяница, служивший в годы своей молодости в *особых* органах. А что будут кричать новые мальчишки – сынишки тех озорников вслед своим будущим, подвыпившим соседям, то об этом ты не помышлял.

После переезда тебя никогда не тянуло в эти места, как не потянуло и в тот весенний день, хотя полузабытая улочка пролежала поблизости. Там нынче стояла непролазная грязь, с утопающими в ней мостовыми, от которой спасала лишь резиновая обувь, поэтому ты отправился обратно, решив по дороге заглянуть в кинотеатр.

Около кассы тебе повстречался Валентин – старший брат одного твоего приятеля. Вы никогда не дружили, но неожиданной встречи обрадовались и заговорили. Валентин ещё в школе считался не только умницей, но и видным парнем, поэтому нравился многим девушкам – их, особенно, привлекали его голубые глаза, симпатичные ямочки на румяных щеках и пухловатые, яркие губы. А когда вы очутились на улице, то ты не удивился, что около кинотеатра его поджидала одна молодая особа.

– Знакомся... моя жена... Людмила, – он обаятельно улыбнулся, представляя светловолосую, стройную девушку.

Его жена, напротив, улыбкой не расщедрилась и, возможно, поэтому красавицей тебе не показалась, но выглядела рядом с Валентином вполне достойно, хотя знакомясь с тобой, повела себя сдержанно, даже несколько настороженно, будто увидела впервые человека, о котором что-то раньше слышала, и это *что-то* немного её пугало.

Билеты у вас оказались на разные сеансы, и ты почему-то даже обрадовался, что больше уже не увидишь эту чопорную не по годам особу вместе с братом твоего приятеля.

Летом ты вернулся в город уже надолго и теперь, словно привыкая к нему, отправился узнавать его заново. Спустя время ты прошагал совсем недалеко от полузабытой улицы твоего детства, с которой тебя уже ничто не связывало. Далее короткий путь пролегал по крутой дороге в старый, городской центр, почти по тому же весеннему маршруту, минуя лишь фотоателье, где работала приёмщицей знакомая женщина.

На подъёме тебе повстречалась молодая семейная пара с детской коляской. Женщину ты узнал сразу, как, впрочем, и она тебя. Это была Катя – старшая дочь той самой приёмщицы из фотоателье. Вы остановились, и возник разговор, наполненный возгласами и смехом. Катя, радостно восклицая, удивлялась тому, как ты вырос за эти годы, став настоящим мужчиной. Она, как и её мать, была живой, непосредственной натурой, и теперь с благодарностью вспоминала уже твою мать лишь за то, что она помогла ей выбрать любимую и нужную профессию.

– Матери передавай от меня большой привет! – говорила она, прощаясь. – Обязательно передай... Она чудесная, замечательная женщина!.. И в гости... в гости осенью приходи... за яблоками – ты же знаешь – у нас превосходные, вкусные яблоки!

Катин супруг показался тебе молчуном и, похоже, не проронил тогда ни слова, хотя изредка посматривал в твою сторону напряжённым, чуть пристальным взглядом. Этот высокий, худощавый мужчина с усиками и с коляской в руках воплощал собой солидность и надёжность, но тебе почему-то не запомнился – в памяти остался только затаённый холодок в его чёрных глазах и ничего больше.

Удивительно, но в тот день ты снова встретил Валентина. Ничего особенного, а тем более мистического, в этом не было. Он бродил по родному городу, который покинул несколько лет назад и которым, как и ты, особо не дорожил. И вы, уже в почти чужом для вас городе, столкнулись лицом к лицу на старой площади, где проходил какой-то праздник для гуляющих здесь коренных горожан, приезжих людей и прочих зевак.

Главные торжества к тому времени завершились и вы, чуть раздосадованные, что не успели отведать праздничных даров, отправились домой. По дороге заглянули в новый дворец культуры, однако обогащаться культурно не собирались и задержались лишь в достаточно вместительном буфете с баром. Расположившись за стоячим столиком, неторопливо потягивали пиво и вели беседу, разглядывая публику и приятный интерьер заведения.

С момента встречи прошло не более получаса, а говорил, в основном, Валентин, как старший и более опытный. Ты слушал приятеля, иногда произнося простые фразы, но у тебя не возникало желание спросить у него, почему он один, и где его жена Людмила, с которой Валентин познакомил тебя весной.

Рядышком, по соседству, оказались две женщины: одна дама уже в годах, а другая совсем молоденькая девушка, видимо, её дочь. Валентин вежливо, даже ласково, обратился к даме, завёл с ней разговор и поинтересовался, кем ей приходится девушка. А когда узнал, что эта её дочь, то назвал девушку красавицей и начал шутливо свататься к ней, нахваливая себя мамаше потенциальной невесты.

– Мама, вы посмотрите... Посмотрите! – уже по-свойски говорил ей Валентин. – Чем не жених, а?!.. Чем не хорош?!.. Всё на месте, всё в порядке! – обворожительно улыбаясь, заводился он. – Плечи крепкие, а грудь, какая?!.. Широкая, настоящая мужская грудь!.. С такими плечами и такой грудью, мама, вам будет спокойно за свою красавицу!

Красавица краснела от смущения, а мамаша задумчиво отвечала:

– Не в груди дело, парень, не в её ширине, а что там... внутри... Есть ли там душа? – вот что дорого...

– А у меня есть душа? – неожиданно спросил Валентин, играючи выпячивая перед женщиной свою на самом деле широкую грудь. – Просветите, мама... просветите... Как рентгеном!

Женщина внимательно на него посмотрела, а затем произнесла твердо и без сожаления:

– Не-а...

– Как нет?! – удивлённо воскликнул Валентин и румянец залил не только симпатичные ямочки на щеках, но и всё его лицо. И тебе показалось, что Валентин обозлился.

– Как нет?! – повторил он ещё раз, уже с нескрываемым разочарованием, оглянувшись беспомощно вокруг и, указывая рукой на тебя, спросил у женщины: – А у него... Вот у него есть душа?!

Женщина на тебя почему-то не взглянула, но ответила уверенно:

– А у него она есть... Это точно! – потом повернулась к тебе, посмотрела с ласковым прищуром и сказала негромко. – Вот за него я б свою дочку отдала... наверняка!

Признание женщины тебя ни успело вдохновить, и ты, лишь улыбнувшись, продолжал молчать, зато её слова, похоже, окончательно добили Валентина, и старший брат твоего приятеля, утратив кураж, мгновенно скис и выглядел явно огорчённым.

После, возвращаясь, вы шли какое-то время вместе, и Валентин вдруг произнёс с усмешкой:

– А я развелся со своей женой... недавно... Ты, кажется, её видел... весной – помнишь?!

– Помню, – ответил ты, – светленькая такая...

– Ага, светленькая! – ещё злее усмехнулся Валентин, проговорив нараспев. – Светлая-присветлая такая...

Ты подумал, что тема исчерпана и хотел спросить его про что-то другое, но Валентин начал вспоминать день их развода, вернее, как после него, вечером, став уже не супругами, они отправились с бывшей женой в общагу и занимались там до утра сексом.

Ты ещё не понимал, каким образом уже чужие, не любящие друг друга люди, официально разведённые мужчина и женщина, могут этим заниматься, к тому же сразу после развода... А Валентин не скупился на подробности и, смакуя их, рассказывал тебе, как он долбил свою *светленькую* в последний раз.

«Зачем... зачем всё это?!.. Для чего он всё мне рассказывает?.. Кому нужно знать, как он елозил свою чопорную суку?» – удивлялся ты и не мог найти этому разумного объяснения. Правда, слушать Валентина и удивляться тебе пришлось недолго – на перекрестке вы разошлись, каждый в свою сторону, и ты не жалел об этом.

Время шло, о своем попутчике ты больше не вспоминал, не думал, пока случайно не встретил его младшего брата. Уже в разговоре тот обронил:

– А тебе от Валентина привет!

Ты удивился, позабыв про его старшего братца, но из вежливости спросил:

– Ну и как он?

– Отлично!.. Женился... и сейчас перераспределился, как молодой специалист, в наш город... На днях помогал переезжать ему на новую квартиру – получил двушку современной планировки – у него всё замечательно! – с удовольствием делился приятель.

– Женился?! – удивлённо произнес ты, будто что-то припоминая. – Эта такая светленькая... стройняшка?!

– Нет... Ты путаешь! – заулыбался приятель. – Светленькая – это его первая... Сейчас у него другая – шатенка... Весёленькая такая – души в нём не чает!.. Думаю, братану, на это раз с женой повезло!

– Везёт тем, кто везёт! – кисло пошутил ты, не найдя подходящих слов для его брата, и еще добрых два года ничего не знал про них обоих, пока снова не встретил приятеля зимой, в середине февраля.

Приятель поздравил тебя с праздником.

– Не рановато ли? – отшутился ты, полагая, что тот поторопился с поздравлением.

– Самый раз! – усмехнулся приятель. – Или забыл?! – сегодня день святого Валентина – покровителя всех влюблённых.

Пришла очередь усмехнуться тебе:

– Покровители либо живые, либо их нет вообще...

Беседуя с приятелем, ты узнал не только про его дела, но и про Валентина, но уже не святого, а его родного брата.

– Собрался на родину жены... Переезжает в её город – нынче есть подходящий вариант для обмена, – без особой радости рассказывал приятель.

– С чего это он, – поинтересовался ты, – какая муха укусила?

– А он здесь всё взял, что можно, – отвечал откровенно приятель, – и квартиру, и должность с подходящей для трудовой отметкой... Теперь, говорит, можно линять отсюда!

Ты с недоумением посмотрел на него, словно ожидая пояснений.

– Завод-то новый... огромный, – заметив это, заговорил приятель с некоторой ехидцей в голосе. – На него тут всякие слетелись: и пчелы, и трутни, и мухи... И всем давай квартиры, и должности повыше!.. Сейчас там пахать надо, – приятель театрально развел руками, – а пырять уже некому – дураков нынче нет!

«И кто ж твой братец в этом раскладе? – услышав эти слова, подумал ты. – Уж точно не дурак!»

– У Валькиной жены мать там осталась, а сама она рожать надумала, – прозвучал голос приятеля, прерывая твои мысли. – В общем, всё идёт по-семейному...

– И где это? – почти машинально спросил ты.

Приятель назвал город.

– Так это ж, тёплые края... – быстро сообразил ты.

Брат Валентина знал географию не хуже тебя, поэтому с тобой согласился.

«Валентинус... Валентино... Валентин... – вертелось у тебя в голове после этой встречи, видимо, из где-то ранее услышанного или, возможно, чего-то прочитанного. – И кто дал ему это имя?... Ангел широкоплечий... Интересно?!.. Нет, этот Валентин уж точно не святой, как пить дать!»

Прошло ещё несколько добрых лет, добрых хотя бы потому, что ничего плохого, тем более страшного в твоей жизни не случилось, а некоторые люди вокруг тебя, наверное, были тогда даже счастливы только от одной мысли, от своего мироощущения, что просто живут на этом свете.

– Ты помнишь Катю? – как-то спросила тебя мать.

– Катю?!.. Какую Катю? – не сразу догадался ты.

– Со старой улицы... Ну, где начинали жить... в городе – помнишь?!

– Помню, а что?

– Её убили... Муж убил... Говорят, очень ревнивым оказался!

– Печально... Очень!.. У неё ведь дети, кажется, были... – медленно произнёс ты, вспоминая тот летний день, когда на крутой дороге встретил молодую семейную пару с детской коляской. С той поры Катю ты больше не видел... И, закрыв на мгновение глаза, представил её лицо: загорелое, зелёноглазое, казалось, с вечной улыбкой на чувственных и ярких, как спелая вишня, губах.

Ты верил, что именно такие, никогда неунывающие люди наделены редким даром восприятия всей полноты бытия и поэтому всегда будут излучать радость, пока живут на белом свете. И уже только этим они сами, как причудливые, живые цветы, украшают собой нашу жизнь... Катя была неброским, полевым цветком, озорным и смешливым, и этот цветок безжалостно растоптали.

Тебе стало грустно и ты, позабыв, а, может, не желая знать никаких подробностей её смерти, спросил:

– А мать?!.. Мать у них жива?.. Я помню её – очень жизнерадостная женщина...

– Уже померла... – с печалью в голосе уточнила мать. – А каково ей было, если б дожила до смерти дочери?!.. Хотя, как знать – у Кати двое детишек осталось – вот беда!

О чём вы говорили потом, ты не помнил, но почему-то был уверен, что в тот грустный вечер молчаливый отец задумчиво произнёс: «Все там будем... Все!»

Он обязательно говорил эту фразу, когда узнавал про смерть знакомого ему человека.

Настойчиво наступала ранняя весна и, выйдя из дома, ты вдруг вспомнил то морозное утро, когда шёл в гору извилистой и скользкой улочкой, наслаждаясь свободой, пьянея от весеннего воздуха и согреваясь ещё неостывшей любовью... Но сейчас ты не мог, как тогда, вспомнить того вкуса губ любимой женщины, запаха её шелковистых волос, а пальцы твоих рук уже не хранили в себе нежность её кожи, тепло и гибкость молодого тела.

Неповторимый голос едва доносился из глубин разбуженного сознания и ты, чуть прикрыв глаза, сумел всего лишь на мгновение оживить в памяти её облик, но на большее человеческих сил не хватало, и ты лишь подумал: «Ведь за что-то мы любили друг друга?.. За что?!.. Она же есть... эта любовь... Но всегда ли мы достойны её – вот вопрос?!»

Мысли, как неисповедимые тропы любви, убегали вдаль, терялись в незримых, почти немислимых переплетениях, и ты разорвал их усталым, вопрошающим голосом:

– Где ж ты был тогда, мой добрый покровитель, мой широкоплечий ангел?.. Валентинус... Валентино... Валентин...

2013г.

Анфимыч

В поношенной эковской униформе, в стоптанных кирзовых коцах, с новой фуражкой «полицайкой», надвинутой до бровей, низкорослый, начинающий полнеть Анфимыч выглядел смешно и даже нелепо, словно постаревший, но всё ещё бравый солдат Швейк, заблудившийся во времени и попавший в советский плен вместо русского.

Страна боролась с пьянством и хулиганством, поэтому Анфимычу, с учетом его пролетарского происхождения и боевых заслуг на фронте, присудили за мелкое хулиганство небольшой срок лишения свободы.

И лагерную, бэушную одежду, и эту грубую обувь теперь ему предстояло носить до освобождения, но не так уж долго – всего-то четыре месяца с хвостиком!.. И Анфимыч, в силу своего неунывающего нрава, посчитал всё это за мелочи лагерной жизни, кроме фуражки «полицайки», которую почему-то сразу же невзлюбил и упорно ходил по зоне с непокрытой головой, блестя загорелой лысиной.

В бараке, особенно, в своей секции, весёлый и общительный Анфимыч прижился сразу. Его зауважали не только за солидный возраст и умение травить анекдоты и байки, но ещё больше за боевой, настырный характер, проявленный в истории с почтовой посылкой, которую отравила ему на зону жена.

Посылка с передачей жены до него по непонятным причинам так и не дошла, но злополучная её судьба, а самое главное активность Анфимыча в этой истории вскоре стали достоянием всей зоны. Сначала Анфимыч проел плешь на головах отрядного и замполита зоны по поводу своей посылки, а затем добрался до самого Хозяина – начальника колонии, бывшего фронтовика и полного кавалера ордена Славы всех степеней.

Анфимыч с Хозяином, как настоящие фронтовики, быстро подружились. И начальник колонии пообещал ему, что доведёт странную историю с пропажей посылки до победного конца. Однако дело с посылкой почему-то застопорилось и отрядный с замполитом уже шарахались от Анфимыча, как от прокажённого, избегая настойчивого эка-фронтовика. Да и сам Хозяин по этой же причине не стремился теперь попадаться ему на глаза.

На зоне, после вечернего туалета, Анфимыч обычно надевал футболку, атласные шаровары и, улёгшись на нары у окна, думал о своей жене и вспоминал прошлое. А думать ему было больше не о ком, поскольку остались они с ней одни... Жену подростком в войну фашисты угнали в Германию на подневольные работы. По возвращению на родину она ещё некоторое время провела в трудовых лагерях для перемещённых лиц, а после всех этих странствий и напастей, чем-то переболев по бабьей части, потеряла способность к деторождению.

Об этом, как об окончательном приговоре, они узнали пять лет спустя после женитьбы, и были страшно огорчены, но страдала от этого, разумеется, больше всего Ксения – жена Анфимыча.

Мать Анфимыча к тому времени умерла, а старшая сестра, потерявшая на фронте мужа, успела нарожать ему детей до войны и теперь изредка ворчала: «Ксению твою, видать, в девках ещё сглазили или порчу на неё как-то наслали...»

Анфимыч отмалчивался, но с годами всё более и более ощущал некую пустоту в их семейной жизни, однако виду не показывал, разговоры на эту тему не заводил и Ксению ни в чём не упрекал.

Оказавшись нынче вдали от дома, Анфимыч, как бывалый человек, чтоб скрасить унылые лагерные вечера, травил перед отбоем в своей барачной секции анекдоты, а порою забавно рассказывал правдоподобные байки из собственной жизни.

– Утром встречаю Петьку Смирнова – гляжу, а у него синяк здоровый под глазом!.. Да и вид – не то смурной, не то будто обиженный! – рассказывал Анфимыч одну такую историю

своим молодым соседям. – «В чём дело?!» – спрашиваю его, а Петька от меня лицо воротит и заявляет: «Я с тобой больше пить не буду!» – «Отчего, Петруха?!» – удивляюсь я, а сам после вчерашнего ничего не могу вспомнить. «Когда мы дома у тебя выпивали, плохо с тобой стало – я обеспокоился, уложил тебя на диван, наклонился и стал спрашивать, что случилось... А ты вместо слов промывчал что-то и ногой меня лягнул – прямо в лицо!.. Затем вскочил с безумными глазами и швыряться стал, чем попало... И табуретку запустил в меня – едва увернулся!.. Хорошо, что Ксюша вовремя пришла и успокоила тебя – пса бешеного!» – рассказывает мне Петька, а я мозгами раскинул, памятью напрягся... Помню – где-то залёг, в окопе, что ли?!.. А потом привиделось, будто фрицы меня окружают... Один в каске, мордатый такой, совсем близко подполз, наклонился ко мне и что-то лопочет по-ихнему. Ну, я и врезал ему ногой, что было мочи, а потом, не зная, откуда силы взялись – вскочил и стал гранаты метать по ненавистным фрицам!.. Во, что бывает... И не помнишь, что в пьяной горячке творил!.. Рассказал всё это Петьке – гляжу, а он не верит – ещё с большей опаской на меня зырит и говорит: «Всё равно с тобой больше пить не буду!» – «Вот и хорошо – нам больше достанется», – отвечаю ему. С тех пор Петьку Смирнова, как отрезало, и больше он ни разу со мной не выпивал, аж до самой своей смерти!.. Вот такая, брат, бывает горячка... с последствиями.

Кто-то из ребят помоложе просил Анфимыча:

– Ты про фронт, Анфимыч, про войну лучше что-нибудь страви!

Анфимыч задумывался, а потом отвечал:

– Война – это не байки, там людей каждый день убивают!

– Тебя ж не убили – живой!.. И байки ловко плетёшь! – возражал кто-то с подвохом.

– А потому живой, что со смертью дружил! – отшучивался Анфимыч.

– Как это?!.. Как?! – раздавались голоса.

– Просто... Проще пареной репы! – улыбался Анфимыч. – К земле надо чаще прижиматься, как к родной бабе!.. И во время окапываться!.. А время нет – залягай в свежую воронку – точняк пронесёт!.. И не высовывайся, почем зря!.. А я к тому ж росточком мал был – мишень неприметная... Вот и вся премудрость!

– У нас Хозяин, во какой дылда!.. А уцелел и в орденах, говорят, ходит! – вспоминал кто-то начальника колонии.

– Хозяин в разведроту служил – там отношения со смертушкой особые, – со знанием дела пояснял Анфимыч и добавлял на полном серьёзе:

– Хозяин у нас фатовый и мужик, вообще-то, геройский!

Соседи с Анфимычем молчаливо соглашались – в бараке хвалить или ругать Хозяина было не принято. Перед отбоем каждый думал о своём, что было ему ближе, а обсуждать военное прошлое Хозяина и его фатовость никто не хотел.

Однако в промзоне, на новом производственном корпусе, где Анфимыч работал в строительной бригаде, его дружеские отношения с Хозяином использовались в общественно-корыстных целях.

После обеда работать экам не хотелось и чтобы продлить послеобеденный перекур с большим кайфом, бригада почти в полном составе забиралась на крышу новостройки.

Иногда на территории промзоны появлялась крупная и приметная ещё издали фигура начальника колонии в простеньком льняном костюме и кепке. Хозяин по фронтовой привычке шёл, пригнувшись, быстрыми, широкими шагами, будто двигался по простреливаемой местности.

Его сразу кто-нибудь замечал и раздавался тревожный голос:

– Анфимыч, Хозяин на горизонте – отвадь бугая!

Анфимыч вставал до приближения Хозяина, подходил к краю крыши и почти кричал, обращаясь к нему:

– Гражданин начальник!.. Осуждённый Анфимов... Разрешите обратиться?! – и тут же, не дожидаясь никакого разрешения, продолжал кричать вопрошающе-жалобным голосом. – Как там мои дела с посылкой, а?!.. Что-нибудь прояснилось, гражданин начальник?

Хозяин резко оборачивался на голос Анфимыча и, застыв от неожиданности в полусогнутом виде, какое-время соображал, но не найдя подходящих слов, лишь отмахивался своей ручищей от настырного зэка, мол, помню, не забыл и сделаю, что обещал.

– Хорошо, гражданин начальник... Хорошо! – бодрым голосом говорил Анфимыч, однако не успокаивался и продолжал орать:

– Скоро срок кончается, а я положенную посылку до сих пор не получил!.. Я, гражданин начальник, её так не дождусь...

– Получишь, Анфимов... получишь! – хрипло отвечал ему Хозяин и, махнув от отчаяния в последний раз рукой, неожиданно устремлялся быстрым шагом в противоположную от новостройки сторону.

На этом эпизодическая роль Анфимыча, как пугало для Хозяина, завершалась и довольные зэки спокойно продолжали большой, послеобеденный перекур с дремотой.

На самом деле посылка Анфимыча уже не волновала. Письма от жены приходили исправно, а это для него было важнее. Ксения писала, что уволилась с текстильного комбината – она и раньше жаловалась, что работать на комбинате ей тяжело – сказывается возраст да сноровка уже не та... И нынче устроилась работать нянечкой в городской дом-малютки и, видимо, как полагал Анфимыч, неспроста. А в последнем её письме это всё и подтвердилось. В дом-малютки, как писала Ксения, она поступила не просто так – она хочет выглядеть среди брошенных малюток такого, к которому её сердце ляжет, а уж потом и забрать его оттуда.

Планы жены озадачили Анфимыча, и он ответил ей, чтобы она не торопилась, а дождалась его возвращения для основательного обсуждения такого дела. До освобождения Анфимычу оставалось совсем немного, и он, уже по привычке, после вечернего туалета надевал чистую футболку, атласные шаровары и, улёгшись на нары у окна, вспоминал прошлое и думал о своей жене.

Анфимыч представлял, как вернётся домой и вечером, после ужина, она наденет свою любимую чёрную шёлковую сорочку с кружевами, и они улягутся на диван. Ксения будет казаться ему самой желанной и восхитительной женщиной... Она начнёт щекотать Анфимычу ухо, нащёптывая горячим голосом сказочные слова, а он станет ласкать её сладкую и ещё упругую грудь.

А история со злополучной посылкой разрешилась для Анфимыча за неделю до его выхода на свободу. Её, как говорят, *разбомбили* где-то на пересылке почтовые воры, выкрав из неё лишь лакомые для них продукты.

Получив остатки от всего того, что ему отправила Ксения, Анфимыч почти всё раздал по дороге в свой барак. Уже недалеко от КПП, на ступеньках лагерной больнички, он увидел сидящего с задумчивым видом старого грека с грузинской фамилией из инвалидного, как шутили на зоне, мото-костыльного барака.

Старый грек, бывший работник торговой сферы, дотягивал большой срок за хищение социалистической собственности в крупных размерах, и уже давно забытый всеми на воле, ничего по этой причине оттуда не получал... И многие зэки, возвращаясь с КПП, делились со стариком передачами от родных и близких людей.

Сделал это и Анфимыч, оставив ему добрую треть своей разграбленной посылки. Тёмно-карие, маслянистые глаза старика заблестели ещё сильнее и он тихим, почти беззвучным голосом, благодарил Анфимыча. А чтобы окончательно забыть про посылку, Анфимыч пустил её остатки на вечерний чай в своей барачной секции.

Оставшиеся дни тянулись долго, а когда наступил день освобождения, то утром радостный Анфимыч сначала попрощался в секции со своим единственным земляком, потом с ребя-

тами из бригады, затем со знакомыми ему мужиками из соседнего барака и после этого отправился на КПП.

В родной город Анфимыч прибыл на рассвете проходящим поездом, толком не выспавшись. Стойкий туман окутал пустынные улицы, автобусы ещё не ходили, и он, почти никакого не встречая, добрался пешком до своего дома.

Дверь, несмотря на протяжные звонки, никто ему не открывал и Анфимыч забеспокоился... Был субботний день, а Ксения даже в выходные не любила разлёживаться. Тогда он постучал, однако на стук отворилась лишь дверь напротив, откуда, не здороваясь, выглянула, кивнув головой, ещё заспанная соседка.

Она сказала ему, что вчера у Ксении случился сердечный приступ и её на скорой помощи увезли в первую городскую больницу. Умолкнув, она застыла с грустным видом, протянув ему связку ключей. Анфимыч взял их и, не говоря ни слова, вышел из подъезда.

На улице он остановился, задумавшись, а потом неожиданно заторопился и, срезая путь, побежал трусой в сторону пустыря. За ним располагалась конечная остановка единственного маршрута, по которому ездили редкие автобусы в нужную Анфимычу сторону.

В утреннем тумане он сумел разглядеть стоящий автобус и припустился во весь дух, боясь опоздать на первый рейс. Две бездомные собаки, бродившие по пустырю, остановились, увидев бегущего человека, но вслед за ним не бросились, а только погавкали с ленцой и быстро успокоились.

Где-то в небе резко завыл самолет, кружа над городом от непогоды. Знакомый звук настиг задыхающегося Анфимыча на середине пустыря – у него вдруг сжало в висках, а затем кольнуло и ударило резкой болью в самое сердце... В глазах у него стало темнеть, а он всё ещё нёсся по инерции. И самая ближняя на пустыре яма показалась Анфимычу в эти мгновения дымящейся после разрыва бомбы воронкой, когда-то спасший его от смерти, и он летел ей навстречу, спотыкаясь и падая...

В бараке про Анфимыча забыли бы, наверное, быстро, если не его пустующее место на нарах: новый этап на зону ещё не прибыл, а среди обитателей секции не нашлось желающих с приближением холодов спать у окна. И поэтому вечером, перед отбоем, кто-то, увидев незанятое до сих пор место Анфимыча, вспомнил про него и произнёс:

– Жалко Анфимыча нет... Некому теперь байки травить... Тоска!

А кто-то с верхних нар спросил с недоумением:

– Так я не пойму: за что он срок такой смешной схлопотал – за бабу свою, что ли?!

– Нет, не за бабу... У него ни бытовуха, ни семейный дебош... Жена ему письма писала и даже посылку послала! – возразил голос с нижних нар и добавил со смехом:

– Все ведь помнят эту историю с посылкой, а?!.. Он ей Хозяина даже достал!

Мужики оживлённо загалдели, а кто-то спросил про Анфимыча у единственного его земляка в секции:

– Так за что Анфимыч залетел, а?!.. Ты ж, зема его – должен знать!

– Он в парке городском пенсионера по роже треснул, – ответил земляк Анфимыча и, чуть погодя, добавил: – А пенсионер оказался молодой, но заслуженный... Во время войны директором хлебозавода работал... где-то на востоке.

– А за что треснул-то? – поинтересовался молодой парень.

– Пенсионер рассказывал, что в ту пору любая баба его была... И хвалился, мол, много девок попортил... Вот, Анфимыч, ему и врезал!.. Говорят, если не скрутили его, он бы пенсионера до смерти забил!

– И правильно бы сделал! – разом послышались чьи-то голоса.

– Анфимыч по пьяни бешеный... – уточнил земляк. – А так мужик, что надо!

Обитатели барака ещё немного посудачили за жизнь, потом в секции наступила тишина, которую нарушил громкий и молодой голос с верхних нар:

– Шнырь, руби свет – спать пора!

Шнырь выключил свет – в секции стало темно и барак, как и вся зона, погрузился в промозглую октябрьскую ночь.

Битва за урожай в стране уже завершилась, но всё ещё продолжалась борьба с пьянством и хулиганством, и завтра на зоне ждали большой этап...

2012г.

Бонсай

Не став женоненавистником в молодые годы, ты запросто мог бы им стать чуть позже, познавая мир особых женщин – мир женщин-секретарш. И как любой, незакалённый носитель Y-хромосомы, надышавшись очаровательно-ядовитыми парами этого мира, навсегда бы его возненавидел.

Этот мир, как интригующий театр, иногда добрый, чаще бездушно-изошрённый, обманчиво-открытый и одновременно неприступный, чем-то тебе напоминал неприятельскую крепость... Загадочный, неуловимый аромат этого мира, наверное, притягателен лишь самым его настойчивым ценителям и почитателям, терпеливо осаждающим такие укрепления, однако ты к ним не относился.

В большой приёмной крупного завода, с размахом обустроенной, грациозно и поочерёдно, словно модели на подиуме, дефилировали перед твоим взором две вышколенные представительницы этого мира.

Это были закормленные вниманием, знающие себе цену, ухоженные особы, чертовски хорошенькие, особенно, что выглядела чуточку моложе своей напарницы.

Предприятие ты знал хорошо, бывал здесь по делам многократно и эти женщины всегда встречали тебя с холодным безразличием, словно бедного родственника. Твое очередное появление они восприняли, как рядовую неизбежность хозяйственно-экономического процесса, впрочем, и ты смотрел на них, как на его атрибут, возможно, уже устаревший и не слишком нужный. Дамы об этом догадывались, поэтому отношения между вами со временем ничуть ни потеплели.

В заводоуправление шушукались... В ближайшее время на заводе ожидалась выборы генерального директора, а один из претендентов – нынешний директор, назначенный на этот пост уже канувшем в лету государством, пребывал в странном административном отпуске.

После очередного семейного скандала, он залечивал раны от побоев, нанесённых ему женой за его амурные похождения с одной женщиной, с которой директор не мог никак расстаться ещё со времени пребывания в должности начальника цеха.

Огромный завод располагался недалеко от мегаполиса, поглотив соседний, тихий моногородок. Большинство его жителей трудились именно на этом гиганте, зная обо всём происходящем в их родном городке.

История любовных отношений директора с той самой женщиной была известна не только его законной супруге, но ещё и многочисленным горожанам. Одним она порядком уже надоела, другие же смаковали её подробности в те дни, когда директор, появляясь на работе, тщетно пытался скрывать на своей физиономии следы бурных семейных разборок.

Вот в такие дни ты прибыл на завод, где главный инженер был просто нарасхват по причине отсутствия директора.

– А, вымогатели, прибыли?!.. Дети лейтенанта Шмидта! – смеясь, говорил он в своём кабинете, застегивая ширинку. – Снова пожаловали – опять трясти меня будете, да?!.. Душегубы... Собчаки хреновы!

Инфляция, как ненасытная тигрица, кем-то выпущенная из клетки, пожирала всех и всё. Поэтому недавние договорённости быстро устаревали, и каждый квартал возникала необходимость подписывать очередной протокол удорожания работ у заказчика. И таким, казалось, простым, но муторным делом занимались генподрядчики, субподрядчики, в общем, все кто ещё как-то держался на плаву в бушующем море рыночных реформ.

Ты являлся субчиком – таким новым, рыночным зверьком, который пытался выжить в непривычных условиях гнетущего экономического климата, а для этого требовалось многое, например, необходимо было вежливо улыбаться заказчику, когда тот крыл по матушке

всех подряд, пусть и шутливо. И не только вежливо улыбаться... Кто же стремился не просто выжить, а ещё хотел срубить себе побольше *бабла*, то тому следовало иметь и продвигать нужных людей на заводе.

Твой генподрядчик, переметнувшийся в частный бизнес из умирающей отраслевой науки, в отличие от тебя, приезжал сюда не с пустыми руками, а был всегда при *бабках*. И хотя генподрядчик не знал, с какой стороны подойти к компьютеру и как его включить, зато имел полное представление, приезжая на завод с «дипломатом» *налички*, куда и сколько требуется, как говорил он, занести для общей пользы.

В заводской гостинице ты проживал в одном номере с Припаловым, коллегой по работе. Скучными вечерами вы смотрели телевизор, и однажды ему почему-то не понравилась аббревиатура назойливой рекламы.

– Нет... «МММ» тут не подходит, – недовольно проворчал он, – надо «ННН»... Так точнее будет!

– Почему? – лениво спросил ты.

– Аббревиатура – это не только сокращение, но ещё и суть... – пояснял коллега. – Смотри, первая «н» – это *наличка*, нал... вторая «н» – это уже навар, навариться... Ну, а третья «н» – это нагреть, наколоть...

– Надуть, награть, – дополнял коллегу ты, – наворовать...

– Надуть?!.. Здорово... подходит, – весело согласился он. – Берём на заметку!

Хотя Припалов родился в деревне, как говорят, от сохи, однако стал отличным инженером. Нынче, в непростое время, он всё ещё мучительно достраивал дом в родной деревне, где у него одиноко проживала мать, пожилая и по какой-то причине пьющая женщина. Она, как-то выпив какую-то спиртосодержащую гадость, скончалась, и теперь Припалов разрывался между работой в городе и постройкой дома в деревне.

Ты знал, что генподрядчик давал несколько раз ему сколько-то этой самой *налички*, чтоб самолично как-то простимулировать твоего коллегу, поскольку от него многое зависело на пусковом заводском объекте. Но больше всего он стимулировал главного инженера.

Авторитет у нынешнего, безвольного директора с его постоянными фингалами от жены за супружеские измены давно и окончательно упал. Пост генерального директора на выборах ему уже не светил, а вот у главного инженера шансы были самые реальные.

– Надо помочь человеку... – с озабоченным видом шептал тебе на ухо генподрядчик в приёмной. – После выборов, в будущем, необходимо будет скупать акции... Надо помочь ему в этом... для общего дела.

Ты равнодушно слушал его откровения, даже не пытаясь сказать что-то умное по этому поводу, а генподрядчик в твоих словах не нуждался и продолжал далее курсировать на завод со своим «дипломатом».

Ты, будучи тихим атеистом, почему-то уверовал, что рай всё-таки существует. Ни там, в заоблачных высях, а здесь, на грешной земле. И это, как считал ты, ни какая-то Швейцария, ни княжество Монако, ни Гавайские, Тайские и прочие райские острова в океане, а то самое место, где женщины вынашивают детей... Вот почему нас, мужиков, всё время в ту сторону обратно тянет – видать, нутром чуем, где рай!

Благополучно покинув в нужное время лоно матери и не причинив ей, по её собственным словам, тяжёлых физических страданий при своём появлении в этом мире, уже потом, всего три месяца спустя, ты чуть было не погиб... Но тебе повезло – ты выжил и теперь, вернувшись с того света, как бы доживал вновь обрётённую жизнь.

Видимо, такая краткосрочная командировка всё-таки отразилась на тебе каким-то образом, и все последующие за этим жизненные события только подтверждали это гипотезу.

До двадцати пяти, без полного осознания причин и последствий, ты ещё мог с кем-нибудь подраться, поэтому чувствовал себя мальчишкой. Затем, лет до сорока, пока на улице тебя не стала обгонять быстроногая молодёжь, считал, что ты ещё молодой. После этого, перестав так думать, слегка огорчился этому и уже не считал себя таковым.

Иногда что-то судорожно дёргалось в разных частях твоего изношенного тела. Однажды что-то подобное произошло в твоей черепной коробке: она сильно содрогнулась, в ней что-то просело, а вслед за этим, как за неким тектоническим сдвигом в стареющих мозгах, ты начал осознавать, что превращаешься... в Диогена.

Шли месяцы, но *это* всё не проходило и до тебя, наконец-то, дошло, что ты, скорее всего, останешься с этим мироощущением до конца своей жизни... В чудесное переселение душ, в эту самую реинкарнацию, ты, конечно, не верил, но, по-научному, вполне допускал, что на самом деле мог бы оказаться очень отдалённым потомком Диогена, живущим в приватизированной бочке из силикатного кирпича.

Необычное состояние души тянуло в мечтательное детство, когда тебе часто чудилось, будто в какой-то прошлой жизни ты жил в просмолённой бочке на берегу красивой, морской лагуны. Теперь, с годами, эта картина, как на полотнах Гогена, становилась всё более живописной... Вокруг тебя хороводом проплывали обнажённые, смуглые прелестницы в набедренных повязках, сверкая карими очами и белозубыми улыбками. Слышались их поющие голоса, завораживающие тебя, а сквозь сладкое, убаюкивающее песнопение доносился солёный запах моря...

– Диоген... Гоген... – шептал ты, посмеиваясь над собой. – А, может, это просто ген, засевший во мне и устремлённый в рай?

Детство и юность подзабылись, но в те годы ты, скорее всего, мечтал стать знаменитым артистом или футболистом, однако в итоге оказался обычным инженером. И теперь пытался делать что-то реальное и полезное не только для себя, но и для других сограждан.

До сорока лет, порою, мучился в сомнениях: «Что ж всё-таки хочет моя душа?.. Этого ли я желал?!»

Потом вдруг настигло некое прозрение, и ты неожиданно понял, что всю жизнь желал лишь одного: просто быть свободным человеком – и всё!.. Ни больше, ни меньше... Удивившись, ты словно опьянел от столь лаконичного и, по сути, простого ответа, который искал многие годы. И вслед за просветлением, трезвея, согласился с самим собой, что почти ничего не сделал для этого в жизни... Но ты лишь немного устыдился этому, не упрекая и не оправдывая себя.

Теперь ты понимал, что свобода, вернее, её зародыш, прежде всего, внутри тебя. Он либо есть, либо его нет... И дух свободы надо вынашивать в себе, как некое дитя, причём всю жизнь, и крепить этот мятежный дух, как мускулатуру, каждый день бытия. А улавливать настроение власть имущих в передовицах главной газеты страны и в речах её самых важных партийных боссов – удел слабаков и проходимцев.

Когда в тебе проснулся Диоген, а потом задули ветры перемен, ты с надеждой зачитывался газетами и журналами. Однако надежды вскоре улетучились, лихолетье пронеслось, и нынче ты довольствовался интернетом, а ещё иногда пролистывал бесплатную рекламную газету, которую регулярно доставляли горожанам.

Там попадались заметки, которые тебя забавляли.

Кто-то жаловался: «В городе засилье бабочек... кто-нибудь с ними борется?»

Кто-то планировал на месте городского туалета строить храм... Одни выражали согласие, другие возражали и требовали чуть ли не референдума по этому вопросу.

Одних возмущало, почему не косят одуванчики, от которых много пуха, а других беспокоило, что их дети не могут играть в песочнице, так как кошки устроили там туалет.

Однажды весной ты прочитал, что на оттаявшем склоне, недалеко от нового торгово-развлекательного центра, дети нашли труп крокодила. Газета писала, что рептилию могли подкинуть гастролирующие циркачи или местные олигархи. Соображения о смерти крокодила были разные.

– Животное подброшено мёртвым, – посчитал ветеринар. – Мы отвезли тело в трупосборочный пункт... Позже его утилизируют.

Где находится пункт со странным названием, ты не знал, но местность, описанная в истории с крокодилом, была знакома тебе досконально. Долгие годы ты пересекал её по пути из дома на работу и обратно. Именно здесь, на асфальтированных дорожках, тебя стали обгонять молодые люди, и ты впервые почувствовал себя уже немолодым... В общем, крокодилчик оказался ни мультяшным, ни киношным, а самым настоящим, правда, весьма скромных размеров, но, к сожалению, уже неживым.

Про циркачей всё было ясно, а вот почему местные олигархи держат крокодилов? – узнать об этом не представлялось возможности. Просто у тебя не нашлось подходящих знакомых, поэтому оставалось лишь гадать.

– Братя по классу... и виду, наверное, – мрачно шутил ты про крокодилов с олигархами, позабыв про циркачей.

Местность, где нашли дохлого крокодила, была в прошлом приметной: рядом с рекой царственно шумели вековые, могучие дубравы... Но потом появились двуногие и эти... жуки-короеды. В общем, от дубрав остались лишь воспоминания. И ныне к берегу сиротливо прижимались лишь рощицы смешанного леса, мелколесье да отдельные, ещё уцелевшие дубы.

Земля не пустовала – многие года её нещадно похабили карьерами. Из них, по узкоколейке, вывозили вагонетками глину на кирпичный завод. Когда она кончилась, землю перестали насиловать – про неё забыли, и местность начала постепенно оживать. Зброшенные карьеры вздохнули от облегчения жизни, обросли кустарником, деревцами и уже не казались такими безобразными как раньше. А в одном из них, более живописном, чем остальные, за счет грунтовых вод и родников образовалось озерцо.

...Ты купался в нём вместе с пацанами со своей улицы. В середине озерка находился крохотный островок с изумительно белым песком, сквозь который кое-где прорастала зелень.

Окружающий пейзаж, этот островок с белым песком, синеватая гладь озерка, увлекали тебе в детские мечты, в которых грезилась изумрудная морская лагуна... И ты, представляя себя на сказочном берегу райского острова, нежился под щедрым солнышком и наслаждался бесконечной свободой...

Вспоминая про озерко, ты подумал, что хозяева крокодилчика скромных размеров, возможно, называли его ласково Генусей, Генчиком, а, может, уважительно дядей Геной или Геннадием Ивановичем. И если крокодилчик, рассуждал ты, попал бы в это озерко живёхоньким, то в этом случае наделал шума гораздо больше, чем сейчас, будучи найденным с ним поблизости, но уже бездыханным.

Постоянно пересекая эту местность в разных направлениях, ты замечал медленные перемены в её облике. Островок на озерке то появлялся, то исчезал под водой, а вокруг него всё гуще расцветала растительность. На самом озерке почти каждый год соревновались юные судомodelисты, и ты, проходя мимо, ненадолго останавливался и наблюдал, как их рукотворные корабли рассекают мелкую зыбь на поверхности водоёма. А он с каждым годом мелел и мелел. Крохотный островок с белым песком заносило илом, и вскоре он исчез вовсе, вернее, соединился с берегом, ошетинился колючей осокой и уже ничем от него не отличался.

Судомodelисты соревноваться на озерке перестали или, наверное, просто пропали из этой жизни, как пропал этот островок.

Когда озерко окончательно превратилось в болотце, ты узнал, что Диоген в последние годы жил не в бочке на берегу морской лагуны, а на краю карьера с мусором. Там он общался

с бродячими собаками и со сторожем карьера. И незадолго до своей смерти сказал ему, мол, когда я умру, хоронить не надо – столкни меня в карьер, на дно помойки, пускай друзья-собаки полакомятся.

Всё это огорчало тебя, а жизнь шла наперекосяк... Всё вокруг, казалось, рушится, сыпется – и случилось так, что в отделе вас осталось уже только двое: ты да Припалов. На самом деле он жил в деревне, однако ещё числился на работе и был до сих пор прописан на койко-месте в общежитии, арендованной вашей умирающей конторой.

Новые хозяева конторы продлевать аренду из-за нескольких человек, фактически там не живущих, нынче не собирались. Вот при таких обстоятельствах ты встретился с коллегой после длительного перерыва.

В тот день Припалов выписался из общежития, уволился из конторы и, получив, к своему удивлению, расчёт в виде некой суммы денег, заглянул к тебе. Все предшествующие, далеко не радостные события, а заодно и вашу встречу, он предложил отметить в общежитии, куда вас пустили по старой памяти.

Расположившись в комнате приятеля Припалова, вы выпили и заговорили про жизнь.

– Нам ещё повезло, – рассказывал про свою деревню Припалов, – центральная усадьба не так далеко от трассы...

Деревня твоей матери тоже располагалась рядом с большой дорогой, однако, как населённый пункт, давно уже исчезла с лица земли и всех географических карт. Вспоминать этот факт не хотелось – ты лишь усмехнулся и промолчал.

– А хлеб я не покупаю, – продолжал уже бывший коллега, – двоюродный брат подарил японскую печь – отличная штука!.. Теперь сам себе хлеб выпекаю.

Ты порадовался за него, но заметил уныло и будто между прочим:

– Жениться тебе надо – в деревне одному тяжело... Дом для чего... для кого строил?!

Припалов шмыгнул носом, но ничего не ответил и разлил водку по стаканам. Вы выпили и ты начал соображать: какая всё-таки она, эта водка – настоящая или палёная?

– С этим в деревне туго... – первым заговорил Припалов. – Мне пятый десяток пошёл, а я там самый молодой.

– А в райцентре? – спросил ты и подумал про водку: «Похоже, настоящая...»

– В райцентре один заводик и тот... помрёт скоро, – с обречённым видом произнес приятель. – Я своё, видать, уже отинженерил – жалко!.. Теперь к земле припал... В общем, живу, как все: работаю на себя... и свою скотину! – он попытался улыбнуться, но улыбка получилась кислой.

Вы замолчали и выпили ещё – торопились, поскольку являлись гостями и не хотели засиживаться в комнате приятеля Припалова.

– Пришел паводок, двор затопило... и свинью зарезали, чтоб она не утонула, – пошутил невесело ты и, заметив непонимание на лице Припалова, добавил: – Так и у нас: создали бардак, затопили им всю страну, и мочат народ потихоньку, чтоб не мучился...

– Да... точно, – с сожалением проговорил Припалов. – И контора наша, видимо, рухнула...

– Не устояла... – словно поправляя приятеля, произнёс ты. – Молодая ещё... Карлик без прочных, глубоких корней, потому нас и вывернуло!

Припалов, застыв, внимательно взглянул на тебя ещё трезвыми глазами, будто ожидая других, более убедительных слов.

– Это, как в футболе, когда проигрывают... – решил пояснить ты. – Все бросились отигрывать – получилось, что каждый сам за себя... Вернее, каждый сам для себя, а в итоге почти все залетели – по-крупному... Вот так!

– Короче, как этот... – и Припалов, ожив, улыбнулся. – Как бонсай!

– Да... – не задумываясь, согласился ты и, уставившись хмелеющими глазами в залитое солнцем окно, долго что-то соображал, а потом негромко сказал: – Правильно мыслишь, Припалов... Только бонсай этот наш... доморощенный!

Когда выпив всю водку, вы изрядно опьянели, ты громогласно произнёс:

– Ну, что, инженеры от потомственных батраков – по хатам?!.. Я, Припалов, абориген – поведу тебя коротким, но правильным путём!

Прибрежная, ещё уцелевшая местность, в стороне от холмов с мелколесьем и засыхающего озера, уже принадлежала частным владельцам и была везде огорожена. Вы потыкались, как подслеповатые щенки, своими нетрезвыми физиономиями в заборы и, вдоволь наругавшись, отправились в обход.

По дороге вас разморило на солнцепёке, и вы решили передохнуть в тенистой посадке. Прилегли и не заметили, как заснули в некошенной, прохладной траве.

Первым очнулся ты, посмотрел на часы и ещё минут пятнадцать взирал на посапывающего рядом приятеля. Голова трещала с похмелья, но у тебя нашлись силы и решительность заорать командным голосом:

– Рота, подъём!

Децибелов хватало и Припалов проснулся мгновенно.

Ты выждал, пока он очухается, а когда приятель посмотрел на тебя осмысленным взглядом, произнёс негромко и почти ласково:

– Банзай?!

– Банзай... банзай, – уныло откликнулся ещё сонный Припалов.

Вы встали, отряхнулись и решительно продолжили свой путь.

Время с той поры летело ещё быстрее, чем в прежние годы, однако вы уже больше не встречались. Деревня Припалова, славу Богу, не исчезла и с землей не сравнялась, а от знакомых ты узнал, что он всё-таки женился, стал папой и в прошлом году его сынишка отправился в первый класс.

«Молодец!» – нахваливал ты приятеля и мысленно желал, чтобы его деревенский родственник, живущий теперь в столице и ставший не то большим чиновником, не то депутатом, подарил бы Припалову джип или мини-трактор – они наверняка бы емугодились в его нынешней, сельской жизни.

Утром, услышав шум мусороуборочной машины, ты заглянул на кухню и посмотрел на переполненное мусорное ведро. Из него торчала городская газета с фотографией мёртвого крокодила. Ты уставился на фотографию и, усмехнувшись, почему-то подумал про Диогена. Но сознание не останавливалось, несло дальше со скоростью света, и ты вспомнил, что твой генподрядчик, кажется, ещё жив и стал вроде бы миллионером, а вот главного инженера, избранного потом генеральным директором, убили... Зачем?! – понятное дело – из-за *бабла*, а вот кто? – до сих пор так и неизвестно.

Лица хорошеньких секретарш стёрлись в памяти окончательно, но ты не забыл, что в просторной приёмной завода были уголки с карликовыми растениями и цветами – женщины, умиляясь, называли их «нашей экибаной».

– Бонсай... экибана... – бормотали твои губы, а сам ты пытался вспомнить один длинный, вроде бы поучительный, а потому не слишком смешной анекдот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.